

**Присутствие духа в самом жесточайшем распадении гнева
никогда не оставляло Петра Великого**

**Из истории его величества видно, что и по заключении в Деви-
чий монастырь царевны Софьи Алексеевны старалась она всегда**

заводить тайно бунты на державного брата своего, отлучившего ее от правления государством, которые однако же всегда были разрушаемы бдительнейшим монархом². Но сколь должно быть сие чувствительно сердцу его, то удобно понять каждому; он неоднократно выходил из терпения и в гнев своем предпринимал пресечь нить дней толико мятежные и злобные сестры своя. Мы уже видели в IX томе «Деяний» (стр. 319 и след.), что великий государь, будучи в таком раздражении, исчисля все ея на жизнь свою покушения, определил благо наконец совершенно избавиться от нее как от главнейшего своего злодея; но к утшению гнева его и к отмене такого определения стоило только г. Лефорту напомнить ему, что она ему сестра и что туркам только свойственно омочать руки в крови родных своих. И так вместо казни удовольствовался он самоличным только ей выговором; но слезами ея толико еще умягчился, что соединил с ея слезами и свои и, выходя от нее, произнес тому же Лефорту сии слова: «Она имеет великой разум, но жаль, что столько зла».

А как и после сего прощения она не преставала заводить подобные же бунты и умыслы на жизнь толико великодушного брата и государя своего, то монарх в открывшийся один из таковых заговоров, желая узнать от нее самой некие обстоятельства оного, приезжает в монастырь, входит к ней с сверкающими гневом глазами, уличает ее новыми на жизнь свою умыслами и требует ея признания и ответов на вопросы свои. Сколь ни явны были государевы улики, но она однако ж ни в чем не признается; сего еще не довольно: гордость ея колкостию, так сказать, упреков монарших разбужденная, разгорячает ее, и сколь колкими, столь и оскорбительными выражениями защищаясь, обвиняет в мятежах тех его самого. Толикая непризнательность, непокоривость и едкость ответов ея выводят монарха из терпения; он в крайней запальчивости, сказав, что одна смерть ея доставит ему безопасность — умри злодейка! — выхватывает на поражение ея меч свой. В самое сие мгновение бывшая при царевне двенадцатилетняя служившая ей девушка становится между государем и царевной, бросается к ногам государевым и, ухватившись за оные, вопиет: «Что ты делаешь, государь? вспомни, она родная тебе сестра!» Слово сие останавливает его, меч выпадает из рук его, и он, помолчав с минуту, прощает паки мятежную и непокорную сестру, а девушку целует в голову, говоря: «Спасибо, девочка, я тебя не забуду», — успокаивается и выходит.

Из всех победоносцев наибольший есть тот, кто побеждать может страсти свои, а паче гнев, говорит один писатель.

Ирой наш, по горячему темпераменту своему, не редко распалялся крайний гневом; но присутствие духа его и в таком

положении никогда его не оставляло. Ниже увидим мы сему еще сильные доказательства, а между тем приведем здесь тому же один пример.

Он в одно время за дерзновенные слова того же самого Лефорта крайним воспылал на него гневом, и что особливо заметить должно, то было сие при одной пирушке, когда и винные еще пары затмевали несколько рассудок его. В таком кипящем, так сказать, гневе, выхватя из ножен кортик свой, устремился на поражение его; но любимец сей, знаяши его совершенно, не уклонился от государя ни мало; он, обнажа грудь свою: «Рази! — сказал, — ревностного твоего слугу, вот грудь его!» Вмиг выпадает из рук его оружие, и вместо поражения бросается в его объятия и просит прощения. Аббат Милот, описывающий сие, в удивлении восклицает: «Убийца Клитов Александр тем меньшего достоин, чем лучше Петра I получил он воспитание».